

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

# ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ, ПУТЬ НЕБЫСТРЫЙ

### 1. ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ?

Как санитарный самолет садился в Кабуле, как их с Лосем переваливали на другой борт, старший лейтенант Петренко, он же Хантер, совершенно не помнил. Под действием обезболивающих и от полного изнеможения мозг просто отключился. В себя пришел только в Ташкенте на аэродроме Тузель — том самом, с которого улетал в Афган несколько месяцев назад. Ощущения были не из приятных — он лежал на спине на носилках в дюралевой утробе самолета, а кто-то грубо шарил по его телу, отбросив одеяло и простыню.

«Что за твою мать?» — возмутился Хантер. Про себя, потому как сил на споры и сопротивление не было никаких.

— А я вам говорю, — услышался возмущенный женский голос, в котором гнев мешался со слезами, — не имейте права! Раненые физически не в состоянии перевозить оружие и наркотики!

С трудом расклеил веки, сразу же вернулась тупая боль, заполнившая все тело. Оценил ситуацию — в его носилках



госпитали на территории СССР. Если вы завернете наш борт обратно в Афганистан, я вам гарантирую крупные неприятности! Я до самого Горбачева дойду, но вам, тыловикам, мало не покажется! — сердито закончила она.

— Только не надо нас унижать! — хором возмутились пограничники и таможенники. — Мы выполняем свои обязанности, а вы свои!

— Значит так, исполняйте свои функциональные обязанности; но предупреждаю: если я потеряю хоть одного «трехсотого», вся ответственность ляжет на вас! — отрезала майор медслужбы. Затем круто развернулась на каблучках и решительно направилась к зданию аэропорта.

Откуда-то вынырнули солдаты-срочники в застиранном хэбэ с синими погонами и в кирзачах, разящих армейской ваксой, и поволокли носилки с ранеными на бетонку взлетной полосы, выстраивая в ряд.

«Как тех “двухсотых”, что я провожал после боя на высоте Кранты», — вспомнил Александр, снова пожалев, что сил сопротивляться — никаких.

Самолет, на котором доставили из Афгана группу раненых — десять человек, уныло торчал на полосе, отвалив кормовую аппарель<sup>1</sup>. Толпа пограничников и таможенников ломанулась внутрь — «шмонать». Летчики, равнодушно покуривая и поругиваясь, следили за их действиями. Тем временем прапорщик в союзной форме куда-то увел бойцов аэродромной команды...

— Что тут?! — рядом на носилках поднял голову рядовой Кулик. — Где мы?

— Мы с тобой, Лось, на аэродроме Тузель, в Ташкенте, — ответил Хантер, прислушиваясь, как внутри нарастает боль, постепенно заполняя каждую клетку. — Сейчас нас опять будут «шмонать» родные таможенники, чтоб им, сукам!

---

<sup>1</sup> Аппарель — наклонная платформа, предназначенная для загрузки и разгрузки воздушного судна.

— А чем бой кончился? — завертел головой Лось. — Живой кто остался? Где Джойстик, Зверобой, Ерема, Чалдон?.. — посыпались горохом вопросы.

— Джойстик погиб, Чалдон тоже. А Зверобой с Еремой живы, отбились. Продержались, пока подмога не пришла... — Хантер не знал точно, но выдавал собственную версию событий, надеясь, что так оно и было.

— Хорошо, товарищ старший лейтенант, — обморочным голосом пробормотал Кулик. — Я вас только попрошу — вы меня здесь не бросайте, ладно? — Он умолк на полуслове и вырубился. Большинство из тех, кто прибыл с этим бортом, были без сознания — должно быть, действовали лекарства, — и только двое-трое шевелились, пытаясь осмотреться получше.

— Эй, летуны, вашу мать! — заорал старлей. — Зовите медиков — раненому хреново, сознание потерял!

От напряжения ему и самому стало худо — дрожь блуждала телом, разболелась нога, в ушах всю гудел какой-то надтреснутый колокол. Подбежали военные медики, присели над Куликом, начали ворожить. А из самолета, оживленно переговариваясь, тем временем вывалилась ватага пограничников и таможенников. Один из них — судя по повадкам, старший — тащил пакет с добычей: изъятое из багажа пилотов и медперсонала. Прямо на глазах у раненых таможенники начали разглядывать барахлишко, стибренное у экипажа: магнитофонные кассеты с записями бардов-афганцев, презервативы в ярких упаковках с аппетитными красотками, выкидные ножи, которыми только хлеб да колбасу кромсать, потому что даже консервную банку китайская сталь не брала, пузырьки с афганским мумием и прочую хреновень. Таможенники, как сытые шмели, удовлетворенно гудели прямо над носилками раненых, тогда как медики прямо у их ног останавливали кровь, обильно сочившуюся из культи левой ноги одного из парней.

— А где тот доходяга, которого пес нанюхал? — внезапно вспомнил таможенник, говоривший с акцентом. — Надо хорошо досмотреть! Пес свое дело знает!

Он присел над Хантером, раскорячив ляжки, короткие толстые пальцы снова зашустрили по телу. Узбек распутывал концы повязок, отматывал бинты, копошился и отвратно сопел. Александра замутило.

— Что, стервятник, на мертвечинку потянуло? — насмешливо поинтересовался он, пока служивый рывками разматывал присохшую марлю на голове.

— Ты, не п...и мне тута! — невозмутимо бросил таможенник. — Сичас снимем с борта, будешь в местный санчасть подыхать, пока я штамп не поставлю!

— Смелый ты, козлина! — ощерился Хантер. В ушах зашумело. — Нам бы с тобой попозже свидеться, как на ноги встану...

— С этого и нада начинат, — отмахнулся таможенник. — Эй, медицина, ко мне! А ну-ка, гипс мне снимите с этот птиса-говорун... С правой, с правой! Похоже, он там кое-что запряталь!

Подошли медики, снова вспыхнул спор, но Хантер больше не слушал — ему становилось все хуже. Сквозь обморочную истому чувствовал, как кто-то бесцеремонно дергает и теребит правую ногу. Боль стремительно набрала обороты, и все окружающее стало безразлично — сейчас он боролся только с болью...

Тем временем слышался гул мощных двигателей борта, заходящего на посадку, и вскоре на стоянку неподалеку от санитарного борта вырулил «горбатый», то есть Ил-76. По рампе начали спускаться пассажиры — афганские заменщики и отпускники. Несколько молодых мужчин в штатском, похоже, офицеров, при виде обыска раненых прямо под открытым небом на бетонке возмущенно направились к беспредельщикам-таможенникам.